

«ЗНАЙ, МОЛ, НАШИХ...»

Мои встречи с П. К. Пономаренко

Осенью 1933 года меня призвали в ряды Красной Армии. Минский горвоенкомат направил в двенадцатый железнодорожный полк. Тогда он дислоцировался в Рославле, что на Смоленщине. Оттуда нас вскоре перебросили в Приморский край строить железнодорожную ветку.

В полку издавалась многотиражная газета «На подъеме». Ее редактором был (по совместительству) член полкового партбюро, командир технического батальона капитан Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко.

Помню, впервые я его увидел на трибуне. Страстный оратор, он собирал на свои лекции в клубе части огромную по меркам нашего гарнизона аудиторию. В зале яблоку негде было упасть. Послушать комбата приходили не только офицеры, но и их жены, жи-

тели поселка. И, конечно же, мы, рядовые бойцы. Выступал Пономаренко, как правило, без конспектов. Не случайно в полку его называли «ума палата»...

Узнав, что я по профессии журналист, до армии работал в белорусской молодежной газете «Чырвоная змена», Пономаренко договорился с командиром полка Тереховым и комиссаром Сердюченко о моем переводе в многотиражку в качестве секретаря редакции. Организация и подготовка материалов в номер, обеспечение еженедельного выпуска газеты, распространение ее в батальонах, ротах — все это входило в мои обязанности...

В полку имелась своя маленькая типография. Наборщиком и печатником в ней был такой же, как и я, военнослужащий срочной службы витебский

полиграфист Иван Кожевников. Впоследствии, уволившись в запас, он окончил минскую партшколу, перед войной работал секретарем Холопеничского райкома комсомола...

Служить рядом с П. К. Пономаренко было одно удовольствие. Тем более, что служба была непосредственным продолжением моей доармейской журналистской практики. Словом, дела складывались — лучше некуда.

Но однажды случилась осечка, график работ оказался под угрозой. Чтобы в срок сдать пусковой участок до роги, командование подкрепило наш полк новой ротой — десятой «Старшей роты полка, имевшие навык земляных работ в условиях пересеченной местности, план выполняли. Десятая же, в недавнем прошлом стрелковая, еле дотягивала до девяноста процентов. На каждом партийном собрании части говорили об этом армейском коллективе на высоких тонах, в постановлениях записывались строгие предупреждения. Однако дело с места не сдвигалось...

Помню, по результатам одного из партсобраний я подготовил большой отчет — на целую полосу нашей многотиражки. И, конечно же, не преминул «вмонтировать» в него всю критику, высказанную в адрес десятой.

Когда Пантелеймон Кондратьевич вернулся из командировки (был в шта-

бе корпуса), весь материал номера лег ему на стол. Я, признаюсь, ожидал похвалы за оперативность, но редактор, ознакомившись с моими заметками, прореагировал неожиданно. Он сказал: «О собрании ограничимся кратким сообщением. О десятой роте — ни слова. Она до предела издергана. Бойцы не в себе. Так нельзя. Давайте попытаемся изменить наше отношение к этому подразделению. Вчерашние показатели роты на полтора процента выше показанных накануне. «Раскрутите-ка» эти полтора процента, теплое слово скажите о бойцах, командирах отделений, взводов, которые приблизились к плановым наметкам...»

Я снова направился в роту. Выполняя наказ редактора, написал зарисовку о войнах-строителях, успешно «штурмующих» план, сделал снимки передовиков, не поленился съездить во Владивосток в типографию краевой газеты «Красное знамя», где местные полиграфисты изготовили клише, которые оживили очередной номер нашей многотиражки...

В течение трех месяцев на страницах газеты «На подъеме» велся обстоятельный разговор о делах бойцов и командиров десятой роты. К концу квартала она успешно зашагала в ногу с теми подразделениями, которые заметно перекрывали планы. Представителей